

Интересы, действия, препятствия

На симпозиуме 2001 г. классический вопрос "Куда идет Россия?" был модифицирован в том плане, чтобы выяснить: кто же является ее ведущим? Кто именно ведет Россию? А точнее говоря, как соотносятся между собою те субъекты социальных изменений, которые определяют характер, направленность и глубину преобразований, обозначаемых как реформирование и трансформация.

В вынесенном на обсуждение докладе Т.И.Заславской основные акторы, действующие на российской сцене, расположены на трех перекрещивающихся между собою уровнях (возможно, что в этой связи было бы уместно использовать термин "социальное пространство"): макро-, мезо-, микро. Такое расположение субъектов следует понимать как попытку соединить общесоциетальный, институциональный и собственно социологический или даже социально-психологический подходы. Удачное осуществление этой попытки позволяет представить достаточно полную картину трансформационных процессов в российском обществе. Такое изложение проблематики может быть полезным и в учебно-методических целях, например, в качестве несущей конструкции учебника по социологии российской трансформации.

Однако в этой логической конструкции остаются некоторые проблемы, которые необходимо обсудить. К числу этих проблем я бы отнес, во-первых, *степень осмысленности действий и преобразований на каждом из выделенных уровней*. Иными словами, это можно назвать проблемой *рациональности социального действия применительно к российским условиям*. Как формируются интересы соответствующих субъектов, и каким образом они осознаются, декларируются, вербализируются?

Во-вторых, *в какой мере результаты политического действия совпадают или не совпадают с декларируемыми целями?* Должна ли каким-либо образом осознаваться ответственность за эти несовпадения российским политическим классом, или вся ответственность может быть исчерпана часто цитируемой формулой В.Черномырдина и ссылками на обстоятельства?

В-третьих, *как связаны между собою сами уровни действия?* Как макроструктуры соединяются с микроструктурами, с микро-

процессами, т.е. с повседневностью, с жизненными нуждами и интересами "массового человека"? Соединяются или разъединяются друг с другом макро- и микропроцессы с помощью новых институтов, возникших в ходе трансформации?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Как отмечалось в докладе, на макроуровне в качестве основных акторов выступают государство, политические партии, политические и экономические элиты, группы интересов (например, "олигархи"). На протяжении последнего десятилетия (ельцинского периода реформ) макросубъекты находились в отношении конфронтации как друг с другом, так и внутри себя. Каковы бы ни были исторические причины российского кризиса, именно эта конфронтация являлась (и все еще является) главным механизмом его углубления¹. Ни один из акторов, действующих на общероссийском поприще, не оказался в состоянии сформулировать общенациональную программу преобразований с доминированием конструктивных целей.

В то же время определилась господствующая позиция, и ею стала идеология конфронтации с "советским человеком". Но чтобы добиться конструктивного подхода к современной ситуации, необходимо более спокойно отнестись к этому периоду. Как ныне признается значительной частью серьезных исследователей — социологов и историков, советская история не может быть описана с помощью концепции однонаправленного нарастания ни сугубо положительных, ни сугубо отрицательных качеств, особенно, если к этим оценкам применять современные критерии. Она включала в себя целый ряд поворотов, прежде всего, политического характера, и каждый из таких поворотов оставлял глубокие следы в массовом сознании, в психологии людей, в их общих ориентациях и мотивации действий. Каждый период выдвигал новый тип политической и хозяйственной элиты, который превращался в реальный субъект действия — он менял политическую ситуацию в стране на основе новых оценок ситуации².

При этом константой политики оставалось политическое насилие, применявшееся в различных формах по отношению к самым разным слоям населения³. Переходы от гражданской

¹ См.: *Здравомыслов А.Г.* Власть и общество: Кризис 90-х годов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 135.

² Например: социальные типы переходного периода, проблема "советского человека" См: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000 М., 2000

³ На мой взгляд, разница в отборе категорий населения как объектов насилия, свойственных третьему рейху и Советскому Союзу в сталинский период (разница в определении того, кто есть враг), настолько существенна, что не позволяет объединить эти политические системы под общей рубрикой "тоталитаризм"

войны — к нэпу, от нэпа — к индустриализации, от дипломатии — к войне 1941-1945 гг. означали весьма резкие и драматические повороты, как в истории страны, так и в повседневной жизни масс населения¹. Они означали вместе с тем не только изменение состава групп, по отношению к которым применялось государственное насилие, но зачастую и расширение тех кругов, которые это насилие осуществляли.

Естественно, что каждый из переломных моментов оставлял глубокий след в психологии людей, в их отношении к власти и, следовательно, в характере субъектности. Методы политического террора направлялись с каждым новым поворотом против руководящих слоев в самой партии. По мысли сталинского руководства, именно репрессии, направленные против руководящего слоя в обществе и государстве, равно как и угроза таких репрессий, опиравшаяся на поддержку партийной массы, обеспечивали высокую степень политической лояльности в составе самой элиты и высокий уровень консолидации общества. В представлении руководства партии политический террор внутри страны был продолжением классовой борьбы, центр которой перемещался во внешнеполитическое пространство. "Враги народа", по определению, были "агентами империализма"².

Для понимания современного российского кризиса чрезвычайно важным является анализ послевоенных изменений. Советский Союз, поддержанный западными демократиями, оказался победителем в самой жестокой из войн мировой истории. Однако он не смог воспользоваться в полной мере результатами своей победы. Для этого нужно было осуществить радикальный поворот к мирному строительству, а значит, и переосмысление сложившейся ситуации. Но сама Победа легитимировала "правоту" не только политического строя, но и политического режима, сложившегося в борьбе с "внутренними врагами" различного рода. Этот режим готов был вновь начать пожирание собственных детей!

Смерть Сталина и борьба за выживание правящей элиты потребовали изменения методов политического руководства. 60-е годы стали временем обновления и духовного подъема страны. Однако попытки соединить этот подъем с демилитаризацией закончились поражением. Длительный период стагнации политической власти был одновременно временем нарастания глубокого внутреннего кризиса общества. На протяжении именно этого периода вызревали предпосылки распада СССР и формирования новой субъектности, обнаружившей себя в полной мере лишь в период 1985-1990 гг.

¹ См.: *Козлова Н.И.* Голоса повседневности советской эпохи: (Голоса из хора) М РАН, 1996.

² Такая увязка внутренних и внешних аспектов политики провозглашалась даже после смерти Сталина, например, при аресте Лаврентия Берии, который был объявлен "английским шпионом".

Основной характеристикой этой новой субъектности стало прекращение абсолютного доминирования государственного насилия в тех формах, в которых оно осуществлялось вплоть до начала 50-х годов¹.

Либерально-реформаторский проект, победивший в начале 90-х годов и ставший основой государственной политики разгосударствления и приватизации, привел к резкой поляризации общества в экономическом и политическом отношениях. Борьба по поводу разных интерпретаций причин кризиса и, соответственно, путей выхода из него стала идейным обрамлением борьбы за власть и за доступ к распоряжению национальными ресурсами.

Столкновение разноплановых экономических и идеологических интересов, возникших на развалинах прежней системы, стимулируемое радикальной приватизацией, сопровождалось, с одной стороны, созданием новых возможностей политической и экономической мобильности активного меньшинства и, с другой — реальным обнищанием значительной части населения. Все это породило новую конфигурацию конфликтов, которые приобрели многополюсный и многоаспектный характер.

Действительное осмысление новой ситуации предполагало осознание именно этой многополюсности конфликта². Однако каждый из действующих в поле политики субъектов видел только свое собственное положение и был озабочен собственными интересами. "Интересы общества в целом" оказались лишенными своего "носителя" и "выразителя". Общество как целое (страна) перестало быть актором, субъектом действия. Такой поворот событий теоретически оправдывался отрицанием самого существования общественного интереса с помощью последовательно либеральных теорий ("война всех против всех", "государство как ночной сторож" и т.д.), заменивших диктат догматического марксизма и пресекавших любые попытки обновления социалистической идеологии.

На первый план в политической и экономической практике выдвинулись такие установки, как захват власти ("суверенитета") на местах вплоть до устранения государства, а также формула — разрешено делать все то, что не запрещено законом" (вседозволенность при разрушении нравственных оснований поведения). Вместе с тем базовой идеей стало весьма наивное убеждение в том, что все беды общества и его граждан имеют лишь один источник. Приватизация должна была разрешить все проблемы, так как каждый собственник, работающий "для себя", будет заинтересован в

¹ Только при абсолютной политической наивности можно ставить в один ряд преследования диссидентов в 60-е годы и "большой террор" 30-х годов.

² Многополюсность конфликта не исчерпывается ни "бинарностью сознания", ни "традиционным двоемыслием", изображаемым подчас в виде врожденного порока "советского человека".

созидании и эффективной организации труда, в приумножении своего имущества, богатства, благосостояния. Мифический раздел "общенародной собственности" с помощью пресловутых "ваучеров" стал исходным стимулом образования новой классовой структуры российского общества. При этом декларировалось стимулирование образования "среднего класса". На деле же приватизация, проведенная в кратчайшие сроки, привела к углублению экономического кризиса и параличу в области принятия управленческих решений. Вместо "здоровой конкуренции", которая должна была бы, в соответствии с замыслом, стимулировать развитие производства, произошло блокирование одними группами интересов других. Это сказалось, прежде всего, в том, что сложившиеся экономические связи в сфере производства были разрушены с помощью девальвации рубля и замены денежного обмена системой бартерных отношений. Экономика стала деградировать. Результаты ее реформирования оказались не только не совпадающими с исходным замыслом, но и прямо противоположными ему. Однако инициаторы реформ как коллективный актер, проиграв на поле экономики, выиграли на поле политики. Приобретенный политический капитал они смогли вновь обратить в экономический и административный ресурс, используя именно ситуацию многополюсности конфликта в своих интересах.

Кризисы промышленности и сельского хозяйства, науки, образования, социальной сферы, силовых структур, национальных отношений и федерализма возникали и углублялись как частные следствия общей кризисной ситуации.

В целом новый субъект — активное меньшинство, экономическая и политическая элита общества, слой олигархов, срастающихся с высшими звеньями государственной бюрократии — был создан. Но этот субъект действовал отнюдь не в интересах населения страны, не в интересах консолидации общества. Поэтому он, скорее всего, должен быть охарактеризован как *псевдосубъект*, закрепляющий свое положение и озабоченный созданием прочной линии обороны. Результатом его деятельности стала следующая схема функционирования российской экономики: "экспорт сырьевых ресурсов — получение валютной выручки — эмитирование рублевого эквивалента — выдача рублевого содержания населению (подчеркиваю, не заработной платы, а именно содержания) — приобретение населением на полученные деньги предметов потребления (в значительной своей массе иностранного происхождения!) — конвертация полученной выручки в устойчивую валюту — уход последней на западные счета"¹.

Каждый компонент этой схемы — а ее можно назвать схемой российских производственных отношений — представляет собой

¹ Файн А. (Генеральный директор группы "Альфа-Эко") Мы живем по бесперспективной схеме стран третьего мира // Независимая газета. 2001. 6 марта.

определенную нишу деятельности значительных групп нового господствующего класса. Вместе с тем, каждое ее звено — это не только поле конкурентной борьбы, но и рычаг дальнейшей имущественной поляризации общества, углубления пропасти между "адаптировавшимися" и "неадаптировавшимися" к новым условиям.

Верхний, доминирующий класс как целое заинтересован в сохранении этой схемы, которая начинается вывозом сырья и завершается вывозом капитала. Она обеспечивает рост благосостояния вовлеченных в данную схему слоев, но в ней отсутствуют источники экономического роста народного хозяйства. Эта схема иллюстрирует с достаточной убедительностью взаимодействие всех макро-, мезо- и микроуровней общего социального действия. Вывод, который следует из нее применительно к теме настоящего симпозиума, состоит в следующем. Личная ситуация на микроуровне становится благоприятной и даже улучшается в том случае, если индивидуальному актору удастся найти свое место в данной экономической схеме. Но схема "вывоз сырья — вывоз капитала" не является схемой развития, постольку вовлекает в свое функционирование весьма ограниченную часть общества. В ней нет места расширению отечественного промышленного производства, стимулированию применения высоких технологий, наукоемким производствам, постоянной политике расширения рабочих мест. Поэтому усилия инициативных личностей на микро- или мезоуровне не разрешают кризисную ситуацию в масштабе страны. Самое большее, чего могут достичь отдельные предприниматели или их группы, состоит в использовании в личных или групповых целях коммуникативных узлов данной схемы. В этом случае соответствующие группы становятся не только элементами ее функционирования, но и силами ее поддержания и воспроизводства. Однако такие интересы не консолидируют общество в целом, а ведут к углублению его латентных конфликтов.

Кризис может быть разрешен при условии формирования соответствующих предпосылок на макроуровне, в масштабе страны и государства. Наряду с этим необходимо обратить внимание на следующие факторы формирования макросубъекта и его собственной трансформации.

Прежде всего на начальном этапе реформ ресурсы каждой отдельной сферы представлялись еще не до конца использованными с точки зрения частных интересов и выгод. Так, недостаточно было создать акционерные общества (типа банка Мавроди) в целях "аккумуляции народного капитала", нужно было несколько раз прокрутить собранные суммы внутри страны, а затем переправить их в надежные зарубежные банки. Необходимо было не только организовать бартерное посредничество между предприятиями-производителями, но кроме того найти конечный продукт, пригодный для вывоза за границу (например, цветные металлы). Нужно было не просто приватизировать средства производства продуктов

потребления (например, суда рыболовецкого флота), но и организовать потоки сбыта производимой продукции на валютном рынке. Все это были способы действия, обеспечивавшие в каждой из сфер расслоение занятого населения на тех, кто вынужден был "адаптироваться к реформам" и чьи запасы терпения систематически отслеживались социологами, и на тех активных субъектов создания личного благосостояния, усилия которых оплачиваются в валюте.

Такой подход делает ясным, что иностранный капитал сам по себе не выступает в виде злонамеренного разрушителя российской экономики (сознательного актора). Его существование оказывается лишь необходимой внешнеэкономической предпосылкой по отношению к процессам внутри России. Инициатором распада и застоя выступает сам российский капитал, ориентированный по тем или иным причинам не на инвестиции в российскую экономику, а на вывоз за рубеж.

Второе препятствие консолидации интересов состояло в деятельности авторитарного режима: принцип "противовесов", работающий в верхних этажах власти, продуцировал латентные конфликты на более низких уровнях за доступ к ресурсам и к способам их реализации.

Третье препятствие состоит в распространенном страхе перед возможностями "возврата к прошлому". Для значительной части населения новые несправедливости и обиды, неизбежно связанные с социальным расслоением, оказались все же менее болезненными по сравнению с системой тотального контроля, обеспечивавшей внешнее единообразие мыслей и поступков. Можно выдвинуть гипотезу, что для "массового человека" жизнь в условиях демократических реформ, несмотря на все безобразия, оказалась более насыщенной, разнообразной, интересной, чем прежде. А главное, у него стало формироваться чувство собственной ответственности за свою судьбу, за использование предоставляющихся шансов.

Однако сопоставление "выигрышей" и "проигрышей" от реформ на микроуровне, в масштабах каждой отдельной семьи отнюдь не однозначно. Большая часть населения, потеряв одно, приобрела нечто иное. Многие затрудняются подвести общий баланс, как им предлагается в массовых опросах и в ходе избирательных кампаний. В этом один из главных источников амбивалентности массового сознания, колебаний в структуре электората, доверчивости к пиаровским акциям, рассчитанным на запугивание населения то воскрешением тоталитаризма, то возвращением политической нестабильности.

К концу ельцинского десятилетия все названные препятствия к выработке "общего интереса" на социетальном уровне стали по тем или иным причинам ослабляться. Специфические ресурсы от-

раслей народного хозяйства и приватизированной власти оказались глубоко истощенными. Кризис в Приморье зимой 2001 г. стал своего рода моделью возможной общероссийской катастрофы. Она могла бы разразиться в случае продолжения тех тенденций, которые действовали в 90-е годы во многих регионах и отраслях. Речь идет не просто о спаде производства, безработице, невыплатах заработной платы и криминализации общественных отношений, что было характерно для второй половины 90-х годов. По сути дела, катастрофа означала бы разрушение тепло- и водоснабжения в городах, сбой в энергоснабжении, разрушение режима работы транспорта, т.е. удар по самым насущным жизненным потребностям людей и стимулирование их одичания. Кризис в Приморье также показал, что местные власти подчас сами содействуют возникновению подобных ситуаций. Он выявил, что после того, как перейден определенный предел бесхозяйственности, такие ситуации не могут быть преодолены усилиями региональных властей. Для этого оказывается необходимым включение общегосударственного ресурса, который должен быть воссоздан или создан заново.

Что касается собственно политических средств консолидации, то и к ним общество стало гораздо более готово после президентских выборов 2000 г. Высокая степень поддержки В.Путина в рейтинговых голосованиях означает не только поддержку личности более способного политика. В этих рейтингах общество сигнализирует о собственной потребности в политической консолидации и упорядочении функционирования власти, о необходимости покончить с трактовкой демократии как произвола властей и чиновничества, о необходимости выработки мер, обеспечивающих действие принципа: "власть — для народа, а не народ — для власти".

Вместе с тем в гораздо большей мере были осознаны на политическом уровне опасности радикализма и экстремизма, нетерпимости и неготовности к диалоговому режиму политического действия. Средства массовой информации показывают, что как радикализм, так и экстремизм в поле политики приобретают особенно ожесточенный характер в связи с интерпретацией прошлого, с дискуссией о версиях российской истории, особенно ее советского периода¹. Во всяком случае, назрела необходимость более основательного и глубокого исследования советской эпохи. Действительно, "советский человек" в качестве субъекта действия оказался не столь примитивным, как его пытались изобразить в начале 90-х годов. Взгляд на советское общество

¹ См., например, полемику между А.Зубовым и В.Алпатовым (Независимая газета 2000. 14 сент.; 2001. 3 февр.) по поводу легитимности власти после Октября 1917 г. Прямое отношение к этой дискуссии имеет и формула, высказанная главным редактором этой газеты: "Сейчас, гораздо больше зная и гораздо критичнее подходя ко всему, я тем не менее не могу не сказать, что в XX в. у России было три великих руководителя: Ленин, Сталин и Горбачев" (Третьяков. В. Раблезианство Горбачева // Независимая газета. 2001. 2 марта).

сквозь призму ГУЛАГа помог понять многие его проблемы, но этот же взгляд сформировал и позицию полного отрицания исторической значимости этого периода.

Возвращаясь к вопросу об "уровнях субъектности", следовало бы обратить внимание на характер мотивации действия, присущий каждому из этих уровней. На первый взгляд, анализ повседневности предоставляет достаточно богатые возможности для понимания природы социального поведения. Однако каждый из уровней действия отличается не просто своеобразной направленностью мотивов принятия решений и характером вербализации поступков. Дело в том, что более высокие уровни действия имеют более сложную структуру опосредований мотивации. На уровне повседневности оперирование властным ресурсом не выходит за пределы индивидуальных или семейных интересов. Руководящая позиция на предприятии, фирме, в организации означает возможность оперирования ресурсами соответствующих структур. Пределы властных полномочий расширяются по мере расширения самого дела, возрастает и возможность непреднамеренных последствий принимаемых решений, поскольку в деятельности фирмы сложнее учесть реакции контрагентов и партнеров. Здесь выше и степень риска, и мера ответственности — моральной и юридической.

На макроуровне объем власти возрастает несоизмеримо: увеличиваются и объем используемых ресурсов, и сложность учета интересов контрагентов действия, и сила сопротивления принимаемым решениям, благодаря и свойствам самой политики как поля постоянной состязательности и борьбы, и повышению риска от тех последствий, которые трудно, а порой и невозможно предвидеть заранее. Возрастает также роль нравственных свойств личности политических деятелей, которые обязаны отвечать уровню и сложности задач, стоящих перед обществом в целом, перед страной. Критические ситуации, постоянно возникающие в условиях кризиса, могут вызывать растерянность, которую нельзя демонстрировать, не теряя лица. С другой стороны, эти ситуации могут содействовать постоянной личной мобилизации — готовности решать проблемы без широковещательного пафоса и громких обещаний, а путем постоянного распутывания сложных клубков отношений в верхних этажах власти и выбора таких шагов, которые, по крайней мере, не ухудшали бы ситуацию¹. Такая линия поведения может быть названа здоровым прагматизмом. Через определенное время она могла бы способствовать консолидации вокруг лидера всех активных политических сил. Успех этой линии означал бы накопление политического капитала, а мудрость руководителя общенаци-

¹ Непонимание этой специфики момента выражаются в СМИ в виде упреков В.Путину в отсутствии программы действия. Программа, безусловно, есть, но она не декларируется скорее всего потому, что декларация о намерениях сразу бы обозначила ее оппонентов и врагов.

онального масштаба состояла бы в том, чтобы не растратить этот капитал на внешнеполитические цели. Иными словами, актер, действующий на макроуровне, обязан идентифицировать себя с интересами общества в целом, со страной. Он может быть конкретным лицом или коллективным органом власти, но именно от него исходит формулирование общенациональных интересов страны (в нашем случае — России) и выбор стратегических направлений их реализации.